

ОСТРОВ, КОТОРЫЙ ПОМНИЛ ВСЕХ

и
Ольга Росолесье

Ольга Росолесье

Остров, который помнил всех

«Автор»

2026

Росолесье О.

Остров, который помнил всех / О. Росолесье — «Автор», 2026

Когда прежняя жизнь становится тесной, а новая пугает неизвестностью, Ася увольняется и едет на остров, которого нет на карте. Он помнит каждого гостя и возвращает ему то, от чего тот бежал. Для Аси это — семейные тайны, утраты и мучительный вопрос: как жить дальше, не предав тех, кого потеряла? Остров не даёт готовых ответов. Он заставляет различать свой страх и чужую историю, признавать противоречивые чувства и понять: прощение не требует забыть или простить всё. А попытка стереть боль может ранить не только тебя. «Остров, который помнил всех» — мистический роман о памяти, утрате и выборе жить дальше. Для тех, кто переживает перемены или ищет дорогу к себе, он станет бережным напоминанием: любовь к ушедшим можно сохранить, не оставаясь навсегда в прошлом. Книга создана с помощью ИИ.
Обложка: GPT Image - Лицензия

© Росолесье О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Весть с острова, которого нет на карте	6
Берег, узнавший её имя	10
Дом, полный чужих голосов	16
Правило первого прилива	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Росолесье

Остров, который помнил всех

Остров, который помнил всех

Ольга Росолесье

Весть с острова, которого нет на карте

Ася поставила точку в письме начальнику, перечитала его и нажала «Отправить».

«Павел Михайлович, я не буду продлевать договор. До конца месяца передам все незавершённые работы».

Письмо ушло. На экране ещё секунду мигало окно почты, словно ждало, что она переживает, но Ася закрыла ноутбук.

— Вот и всё, — сказала она пустой комнате.

За окном город блестел после ночного шторма. Вода стекала по стёклам тонкими дорожками, на тротуаре плавали жёлтые листья. На подоконнике дрожал горшок с засохшей геранью. Ася давно собиралась выбросить его, но всякий раз оставляла на потом, будто растение могло ещё обидеться.

Телефон показывал двадцать три непрочитанных сообщения. Большая часть была из рабочего чата. Одно — от Ники:

«Я освобожусь к семи. Давай всё-таки увидимся? Ты уже третий раз отменяешь».

Ася набрала: «Не получится. Прости». Отправила и перевернула телефон экраном вниз.

У двери стоял раскрытый чемодан. В нём лежали джинсы, свитер и зарядное устройство. Больше ничего Ася пока не решила брать. Она собиралась уехать из города, но не знала куда. Несколько дней назад эта неопределённость казалась свободой. Сегодня больше напоминала пустую комнату, из которой вынесли мебель, но забыли открыть окно.

В коридоре, под вешалкой, стояла картонная коробка с надписью «Мамино». Ася написала её сама восемь лет назад, через неделю после похорон. С тех пор коробка пережила две перестановки, ремонт и смену квартиры. Она не разбирала её, не потому что не могла. Просто каждый раз находилось что-то более срочное.

Звонок в дверь заставил её вздрогнуть.

На площадке никого не было. Только в почтовом ящике, куда обычно складывали рекламные листовки, лежал серый конверт. Его угол размок, на бумаге расплзлось бурое пятно. Обратного адреса не было, марки тоже. На лицевой стороне аккуратным почерком было выведено: «Асе».

Она подержала конверт на ладони. Бумага была прохладной и чуть влажной. За ночь шторм выбил несколько черепиц на соседнем доме, залил двор и повалил у остановки дорожный знак. Но почтовый ящик находился под крышей, и вода в него попасть не могла.

Внутри оказался один лист, сложенный пополам.

«Ася.

Мария Андреевна была на острове, которого нет на новых картах.

Она оставила там то, что обещала вам.

Ищите старую карту. Кемь. До отлива.

Н.»

Ася прочитала письмо дважды. Потом проверила оборот листа, будто там могло обнаружиться объяснение мелким шрифтом. Ничего. Ни телефона, ни фамилии, ни даты.

Имя матери она не видела написанным незнакомой рукой много лет. Мария Андреевна. Так её называли в официальных бумагах и в школе, когда мать приходила за Асей. Дома она была просто мамой.

Острова, которого нет на новых картах. Кемь. До отлива.

— Очень смешно, — произнесла Ася, хотя смеяться не хотелось.

Она ещё раз осмотрела конверт. Ни штемпеля, ни следов почтовой сортировки. Только несколько крупинок песка в сгибе и тонкий запах сырости. Не морской соли, сказала себе Ася. Подъезд после шторма пах мокрой штукатуркой, вот и всё.

Она вернулась в квартиру, положила письмо на стол и достала телефон. Карты открылись сразу. Кемь нашлась на севере, у Белого моря. Никакого острова поблизости, который подходил бы под описание, не было. Ася увеличила масштаб, включила спутниковый слой, проверила старые снимки. Между серыми берегами и темно-синей водой тянулись знакомые очертания залива. Острова не было.

Она забила в поиск имя матери вместе со словом «Кемь». Появились некролог, старая публикация о географической экспедиции и несколько страниц, на которых Мария Андреевна упоминалась как участница съёмки побережья Белого моря. Даты были старые. Ася не знала, что мать бывала в тех краях. Или знала и забыла.

Телефон завибрировал. Ника звонила.

Ася подумала, что не станет отвечать, но нажала на зелёную кнопку.

— Ты опять отменила встречу, — сказала Ника вместо приветствия. Голос у неё был усталый, не сердитый. — Я не собираюсь заставлять тебя выходить из дома. Просто хотела проверить, как ты.

— Нормально.

— Ты всегда говоришь «нормально», когда хочешь, чтобы я отстала.

Ася посмотрела на коробку в коридоре.

— Я отправила Павлу письмо. Ухожу с работы.

На другом конце повисла пауза.

— Ты же любишь свою работу.

— Любила.

— Это не одно и то же.

— Ника, пожалуйста.

— Хорошо. Не буду спорить. Но ты куда уезжаешь?

Ася провела пальцем по мокрому краю письма.

— Пока не знаю.

— Вот это меня и пугает.

— Меня тоже.

Ника ничего не сказала. В этой тишине не было ни упрёка, ни советов, и оттого Асе стало труднее защищаться.

— Я перезвоню, — сказала она.

— Только не обещай, если не собираешься.

Ася отключилась. На экране снова появились сообщения, напоминания, цифры. Она не открыла ни одного.

В их квартире мать почти не оставила вещей. После похорон Ася раздала одежду, отнесла книги в библиотеку, выбросила старые лекарства. Коробка была единственным, что осталось разобрать. Несколько раз она начинала, поднимала крышку, видела знакомые почерки, пуговицы, обрывки записей — и закрывала обратно. Не чувствовать оказалось полезным умением. Сначала оно помогло пережить дни, когда даже звук чайника напоминал о том, что мать больше не позвонит. Потом стало привычкой. А привычки не спрашивают, нужны ли они ещё.

Ася называла это собранностью. Она научилась складывать боль в дальний ящик и спокойно заниматься чужими картами: укреплять рваные края, снимать плесень, возвращать выцветшим линиям чёткость. На работе это получалось. Дома она годами не могла открыть одну коробку.

Она подошла к ней и сняла крышку.

Сверху лежал зелёный шерстяной шарф, пахнувший пылью. Под ним — папка с бумагами, небольшая жестяная коробка с пуговицами и несколько карт, свёрнутых в трубки. Ася осторожно достала верхнюю. На поле было напечатано: «Белое море. Гидрографическая съёмка. 1979». Бумага хрустнула у сгиба.

Она помнила эти карты из детства. Мать раскладывала их на кухонном столе, прижимала углы чашками и объясняла, почему береговая линия не бывает неподвижной. Вода меняет её, говорила она. Иногда медленно, иногда за одну ночь.

Ася перенесла карту на стол. Письмо лежало рядом. Под лампой проявились тонкие сетки координат и отметки глубин. В верхнем правом углу бумага была вздута и потемнела. Старое повреждение, возможно, от воды, попавшей в коробку ещё до смерти матери.

Ася развернула карту целиком и увидела, что тёмное пятно закрывает часть залива. Она включила настольную лампу и наклонилась, разглядывая волокна. В обычном свете это было просто бурое пятно. При косом свете оно казалось чуть рельефным, будто бумага высохла неровно.

Ася не верила письму. Но она умела смотреть на карты.

Она положила письмо поверх карты, совмещая его край с линией координат. Лист накрыл тёмную часть бумаги. Ася передвинула его на несколько сантиметров, затем вернула обратно. В месте, где старый лист карты был потемневшим от воды, под тонкой бумагой вдруг проступили линии.

Сначала одна дуга. Потом вторая, замкнутая, с узким перешейком на юго-западе. Очертания острова.

Ася замерла.

Она подняла письмо. Линии остались. На сухой части карты их не было. Только там, где бумага потемнела от воды, проступали берега и короткая подпись, почти съеденная временем: «о. Вейна».

Ася взяла лупу из ящика стола. Она пользовалась ею каждый день, проверяя трещины и потёртости. Чернила не выглядели свежими. Подпись могла быть карандашной отметкой, сделанной поверх карты, но островные контуры уходили под старый водяной след и исчезали на его границе. Не продолжались. Не бледнели. Просто обрывались, словно за пределами пятна острова не существовало.

Она сфотографировала карту и увеличила изображение. Затем нашла цифровой архив гидрографических съёмок. Тот же участок берега был пуст. Ни Вейны, ни обозначения острова, ни даже ошибки в сетке координат. В каталоге значилась эта же карта, но на оцифрованной копии тёмного пятна не было.

Ася провела ладонью по волосам. В мастерской она бы назвала такое повреждение странным, но не невозможным. Бумага могла хранить следы прежних чернил, вода могла вызвать химическую реакцию. Можно было найти множество объяснений, если сильно захотеть. Но ни одно не объясняло, почему место, где проступил остров, совпадало с фразой из письма.

Она снова проверила билетные расписания. До Кеми шёл ночной поезд. Отправление — в двадцать два сорок. До отлива оставалось меньше суток, если верить таблице приливов, которую Ася нашла после нескольких попыток. Она ничего не знала об острове Вейна. Не знала, кто подписался буквой «Н». Не знала, что мать могла обещать ей и почему не рассказала о Белом море.

Вся поездка выглядела нелепо. Незнакомое письмо, остров, исчезающий с карты, поезд на север. Любой разумный человек проверил бы конверт, позвонил бы знакомым, подождал бы до утра. Ася могла сдать карту в лабораторию, поговорить с Павлом, попросить Нику приехать. Могла вернуться к чемодану и уехать туда, куда собиралась, не зная зачем.

Она посмотрела на коробку. Восьмой год она ждала момента, когда разговор о матери перестанет причинять боль. Восьмой год переносила его на завтра, а вместе с ним — всё остальное. Не чувствовать защищало её от боли, но защита стала похожа на запертую комнату. В ней можно было переждать любую бурю. Только выйти из неё было труднее с каждым годом.

Ася выбрала поезд и нажала «Купить».

Билет появился на экране. Имя, дата, место у окна. Всё выглядело до смешного буднично. Она переслала билет себе на почту, потом позвонила Павлу Михайловичу.

— Я видел ваше письмо, — сказал он. — Ты уверена?

Они давно перешли на «ты», но только в те дни, когда он забывал, что в мастерской начальник, а она подчинённая.

— Нет, — ответила Ася. — Но уйду.

— Если дело в том, что с реставрацией атласа не складывается, можно взять неделю.

— Дело не в атласе.

— Тогда в чём?

Она посмотрела на карту. На темном пятне остров был виден лучше, чем минуту назад.

— Пока не знаю.

Павел помолчал.

— Хорошо. Перед отъездом оставь мне ключи. И, Ася, не выбрасывай свои вещи только потому, что решила уехать.

Она чуть не спросила, откуда он знает про чемодан, но вспомнила, что тот стоял в мастерской ещё вчера. Наверное, он говорил о работе. Или обо всём сразу.

— Я не выбрасываю, — сказала она.

Отключившись, Ася вернулась к коробке. На дне лежала фотография, которую она не видела с похорон. На ней мать стояла у моря в светлом плаще, одной рукой придерживая волосы. Она не смотрела в объектив, а будто отвечала кому-то за кадром. Улыбка была совсем небольшой, почти незаметной. На заднем плане виднелась вода, серая и гладкая.

Ася помнила этот день или думала, что помнит. Ей было лет девять. Мать обещала показать настоящее море, и они долго ехали на автобусе, пока за окном не исчезли дома. Может, это была другая поездка. Память не сохранила точного берега.

Она могла оставить фотографию в коробке, но коробку решила отдать на переработку вместе с остальными вещами. Ася взяла снимок за края, отряхнула пыль и положила в наружный карман рюкзака. Не выбросить. Пока этого было достаточно.

Собираясь, она положила в рюкзак карту, письмо, зарядное устройство и тёплый свитер. Чемодан оставила пустым. В коридоре снова зазвонил телефон. Ника прислала сообщение: «Если передумаешь насчёт отъезда, я не буду спрашивать почему. Просто напиши».

Ася набрала: «Я еду в Кемь. Нашла на старой карте остров».

Она долго смотрела на экран, потом стёрла весь текст. Ника не поверила бы ей, и Ася не была уверена, что верит сама.

Перед выходом она выключила свет, проверила замок и ещё раз коснулась кармана с фотографией. В квартире остались коробка, засохшая герань и чемодан, который так и не понадобился.

Поезд тронулся ровно в десять сорок. Ася сидела у окна, положив письмо на колени. За стеклом медленно отступали фонари, мокрые крыши и знакомые дворы. Она не чувствовала уверенности. Скорее, утомление от всех лет, проведённых на месте, и осторожное беспокойство перед тем, что наконец начиналось.

Когда город исчез в темноте, Ася поняла только одно: решение уже принято. Что оно у неё заберёт, она пока не знала.

Берег, узнавший её имя

Утром поезд выпустил Асю на пустую платформу, где пахло мокрым деревом, дымом и чем-то солёным. Она спала урывками, просыпалась от стука колёс и каждый раз проверяла, на месте ли письмо. Теперь оно лежало во внутреннем кармане куртки, рядом с фотографией. Рюкзак оттягивал плечо. Чемодана не было, и это казалось почти единственным удачным решением за последние сутки.

Кемь встретила её низким небом. Город выглядел так, словно его не построили, а однажды оставили здесь между лесом и морем. Ася поймала такси до порта, раскрыла на коленях старую карту и снова посмотрела на знак, который привёз её сюда: крошечный островок, обозначенный карандашным полукругом. От берега его отделяла тонкая линия, проведённая чьей-то уверенной рукой.

На карте не было названия. На современных картах, которые Ася скачала ещё в поезде, не было и самого острова.

Это, конечно, могло означать, что карта устарела. Или что она неправильно прочитала знак. Или что остров оказался скалой, которую во время прилива затапливает. Существовало достаточно разумных объяснений, чтобы не выбирать между ними до завтра.

В порту она прежде всего нашла расписание катеров. Оно висело под пластиком у небольшого билетного окна, рядом с выцветшим объявлением о спасательных жилетах. Ася пробежала глазами список рейсов, потом перечитала его внимательнее, словно нужная строка могла появиться, если смотреть на неё достаточно строго.

— Простите, как добраться до этого острова? — спросила она женщину за окошком и показала карту.

Женщина глянула на бумагу. На пальце у неё блеснуло обручальное кольцо.

— Такого рейса нет.

— Может, он называется иначе?

— Может быть.

В ответе не было ни насмешки, ни желания помочь. Только ровная вежливость человека, которому этот вопрос уже задавали и который не собирается первым рассказывать больше, чем спросили.

Ася показала карту мужчине в непромокаемой куртке, разгружавшему ящики у причала.

— Остров видели?

Мужчина бросил взгляд на карандашный полукруг.

— Вода сегодня низкая, — сказал он.

— Я спрашиваю, существует ли он.

— А я про воду.

Он подхватил ящик и пошёл дальше. Ася посмотрела ему вслед. У неё появилось неприятное чувство, что здесь все отвечают не на вопрос, а на его скрытую часть. Возможно, это было просто местное отношение к приезжим. Возможно, жители порта давно привыкли к туристам, которые сперва требуют координаты, а потом всё равно теряются.

Она вернулась к расписанию. На стекле отражалось её лицо: осунувшееся, с тенью под глазами и волосами, которые после ночи в поезде приняли самостоятельное решение. Ася достала телефон. Сеть ловила, карта показывала серую воду и цепочку островов, у каждого из которых было имя. Её острова среди них не было.

Она увеличила масштаб. Проверила геолокацию. Открыла спутниковый снимок. Обновила страницу.

— Если продолжите так смотреть, он может испугаться и появиться, — сказала за спиной женщина.

Ася обернулась.

Незнакомка была невысокой и крепкой, в тёмном свитере, резиновых сапогах и куртке, застёгнутой до подбородка. Седые волосы были убраны под вязаную шапку. Её лицо казалось обветренным не по возрасту, а по профессии: будто она много лет спорила с ветром и ни разу не уступила.

— Вы капитан? — спросила Ася.

— Смотря кто спрашивает.

— Человек, которому нужно попасть на остров.

Женщина посмотрела на карту. Не удивилась. Только задержала взгляд на карандашном знаке.

— Куда именно?

— Сюда. — Ася указала пальцем.

— Я вижу.

— Вы можете меня отвезти?

— Могу.

Это прозвучало проще, чем Ася ожидала. Она приготовилась к объяснению, что остров закрыт, неизвестен или вообще является недоразумением. Вместо этого капитанша поправила рукав и спросила:

— Обратно когда собираетесь?

— Сегодня.

— Не обещаю.

— Почему?

— Потому что обратный путь зависит от прилива.

Ася невольно взглянула на расписание, хотя уже знала, что там не найдётся строки «обратно — если море позволит».

— А если я буду ждать?

— Тогда будете ждать.

Женщина не произнесла это ни угрожающе, ни таинственно. Скорее, как человек, предупреждающий, что мокрые ступени скользкие. От этого стало не легче.

— Вы всё-таки отвезёте меня?

— Если решите.

Капитанша назвалась Лидией. Она велела Асе ждать у серого сарая, а сама пошла к маленькому катеру, привязанному в стороне от пассажирского причала. На корме белела надпись «Вьюга». Ася посмотрела на название, затем на ровное, почти безветренное море.

— У вас чувство юмора? — спросила она, когда Лидия вернулась.

— У меня катер.

Лодка была узкой, с закрытой кабиной и облупившейся синей полосой вдоль борта. Внутри пахло бензином, мокрой верёвкой и кофе из термоса. Лидия проверила канаты, заглянула в моторный отсек и только после этого кивнула Асе.

— Телефон в сухой мешок.

— Он водонепроницаемый.

— Отлично. Тогда ему будет приятно.

Ася едва заметно улыбнулась. Она хотела возразить, что собиралась использовать телефон для навигации, но посмотрела на него в руке. На экране по-прежнему светилась карта, где острова, который она искала, не существовало.

— Куда мне потом смотреть? — спросила она.

— На берег.

Лидия протянула ей серый сухой мешок.

— Если вы не будете отвлекаться.

Вот это Ася могла понять. Телефон был её привычным способом отступить на шаг от неизвестного: открыть карту, проверить время, найти объяснение. Она выключила экран, положила устройство в мешок и затянула шнур. В ладонях было холодно, хотя внутри кабины оказалось теплее, чем на причале.

— А если я передумаю? — спросила она.

— Тогда передумаете на берегу.

Лидия завела мотор. Катер задрожал, оттолкнулся от причала и пошёл в открытый пролив.

Сначала город не отступал. На берегу оставались причалы, низкие крыши складов, кран с длинной стрелой. Ася следила за ними, как за точками на схеме, хотя никакой схемы у неё больше не было. Потом Лидия указала на далёкую белую башню.

— Запомните.

— Что именно?

— Башню.

Ася запомнила. Та медленно смещалась вправо, пока катер шёл вдоль островной гряды. Лидия показала на скалу, похожую на спину животного, потом на красный буй, за которым, по её словам, нельзя было срезать путь. Ася внимательно смотрела туда, куда ей указывали. Это было похоже на упражнение из детства: запомни дорогу, не отставай, не задавай лишних вопросов.

Море под катером то темнело, то светлело. Волны били в борт не сильно, но каждая отдавала в ступни коротким толчком. Время от времени из воды поднималась птица и, крикнув, уходила в сторону материка. Город постепенно стал не местом, а полосой за спиной.

— Вы давно ходите туда? — спросила Ася.

— Давно.

— Часто возите людей?

Лидия не ответила сразу. Подкрутила что-то у панели.

— Бывает.

— И все спрашивают, есть ли там остров?

— Нет. Некоторые спрашивают, где они.

Ася посмотрела на неё, но капитанша уже следила за водой.

— Это шутка?

— Не очень.

Катер качнуло. Ася ухватила за поручень. Она не любила, когда опора двигалась под ногами, и ещё меньше любила замечать, что боится. Пальцы замёрзли. Она сунула руки в карманы и нащупала через ткань сложенную карту.

— А остров правда есть? — спросила она.

Лидия подняла бровь.

— Вы же туда собрались.

— Я не просила философского ответа.

— А я не обещала другого.

Ася выдохнула через нос. В последние годы она часто злилась на людей за то, что они не давали ей ясности, хотя сама могла неделями не задавать самый простой вопрос. Но сейчас ей хотелось получить прямой ответ, желательно с координатами, временем возвращения и пометкой «в случае плохой погоды отмена».

— Вы знаете, кто я? — спросила она, сама не понимая, почему.

Лидия снова взглянула на неё. Взгляд был внимательным, но не узнающим.

— Нет.

Ответ прозвучал так убедительно, что Ася почти успокоилась.

Потом вдали показалась полоска суши. Сначала она была неотличима от низкого облака. Затем проступили тёмные камни, хвойная кромка и узкий светлый берег. Ася проверила направление, сверилась с очертаниями на старой карте. Они совпадали не полностью, но достаточно, чтобы стало неловко перед самой собой.

— Его нет на навигаторе, — сказала она.

— Навигатор не отвечает за всё.

— Удобная позиция для человека, управляющего лодкой.

— Особенно когда лодка не спорит.

Лидия убавила скорость. Катер прошёл мимо скалистого выступа и вошёл в тихую заводь, защищённую от волн. С берега остров выглядел небольшим и совершенно обыкновенным: камни, низкие кусты, сосны, которые ветер наклонил в одну сторону. Никаких чудес. Никаких ворот между мирами. Только земля, о которой не знал её телефон.

Катер коснулся песка с мягким скрежетом.

— Здесь выходите, — сказала Лидия.

— А вы?

— Вернусь, когда смогу пройти.

— Это может занять сколько?

— До поворота воды.

— То есть?

— Вы заметите.

Лидия подала ей руку. Ася спустилась на берег и сразу почувствовала, как холод пробрался через подошвы. Она сняла с плеча рюкзак, затем обернулась.

— Где мне вас ждать?

Капитан указала на крупный камень у края заводи. Он и правда был похож на раскрытую ладонь.

— Здесь. Если вода начнёт возвращаться, не идите по тропе навстречу ей.

— А если вы не приплывёте?

— Тогда ждите дальше.

— Очень обнадеживает.

— Я не для того приехала обнадеживать.

Лидия завела мотор. Несколько секунд катер стоял у берега, а потом мягко отступил назад. Ася смотрела, как он выходит из заводи. Сначала видела куртку капитанши, потом только синюю полосу борта. Скоро осталась одна белая точка, а затем и она пропала за каменным выступом.

Ася достала сухой мешок из рюкзака и проверила телефон. Связи не было. Карта всё ещё показывала голубой квадрат воды. Она убрала телефон, прежде чем успела начать искать сеть по всему острову.

Берег был тише, чем казался с катера. Здесь каждый звук слышался отдельно: шорох песка под ветром, щелчок камешка, капли воды, стекающие с камней. Ася поднялась на несколько шагов и оглянулась. Край берега, скала, далёкая башня на материке. Она старалась запомнить всё, как велела Лидия. Только башню отсюда почти закрывала дымка, а береговая линия не совпадала с тем, что она видела в пути.

«Это всего лишь остров, — сказала себе Ася. — Маленькая земля посреди моря. Ничего необычного».

Её голос в голове прозвучал слабо, как объявление в пустом вагоне.

Она положила рюкзак рядом с камнем, достала карту и попыталась сориентироваться. Бумага размягчилась по сгибам. На старом рисунке остров выглядел шире, а с северной стороны был отмечен короткий проход, исчезающий среди линий. Ася присела, чтобы разглядеть пометки, и услышала, как вода отступает.

Это был не громкий звук. Не внезапный гул, не шёпот из глубины. Просто волна, перекатившись по мелководью, втянулась между камнями. Но в самом конце её движения что-то ясно сложилось в знакомое слово.

— Ася.

Она замерла.

Сердце ударило один раз, тяжело и неловко. Холод в ладонях стал почти болезненным. Ася обернулась к воде, будто там мог стоять кто-то, кто решил позвать её с берега.

Никого не было.

«Эхо», — подумала она. Узкий вход в заводь, камни, ветер. Звук мог отразиться от скалы и совпасть с тем, что мозг ожидал услышать. Мозг вообще хорошо работал с совпадениями, особенно когда человек не выспался и добрался до острова, которого не было на карте.

Она достала телефон. Пальцы сами нашли шнурок мешка. На секунду ей захотелось открыть карту, проверить записи, включить диктофон. Доказать себе, что слово было звуком воды, а не голосом.

Потом Ася отпустила шнурок.

Волна снова потянулась к берегу. Дошла до её ботинок, облизнула носки и отступила. На влажном песке остались тонкие тёмные линии. Сначала она приняла их за случайные борозды от воды. Потом увидела первую букву.

А.

За ней — мягко открытая дуга.

С.

Последняя буква вышла чуть неровной, с коротким острым хвостом, загнутым внутрь. Так писала Ася. Не всегда, конечно. Но когда спешила подписать документ, поставить имя на коробке или нацарапать его на бумаге, она делала именно так. Большую «А» выводила с верхушкой чуть левее, «с» оставляла незамкнутой, а хвост у «я» всегда получался слишком резким.

На песке, прямо перед её ногами, стояло её имя.

Ася.

Она присела, не касаясь букв. Вода продолжала шевелиться вокруг них, но линии не расплывались. Они были выдавлены в песке тонкими гребнями, будто чья-то рука писала мокрым пальцем, а море только смыло лишнее.

— Нет, — сказала Ася.

Не громко. Не уверенно. Просто слово, которому она ещё не придумала более разумного объяснения.

Она оглянулась на берег, проверяя, не прячется ли кто-нибудь за камнями. Потом посмотрела на собственные ботинки. На песке отпечатались следы, оставленные по пути от катера. Рядом с ними тянулась вторая цепочка.

Эти следы были старше. Их края успели осесть, а в некоторых отпечатках темнела вода. Они шли от самой кромки берега к кустам, почти параллельно её следам, будто кто-то прошёл здесь незадолго до неё. Или давно, но вода почему-то не стёрла их.

Ася выпрямилась. В груди поднялось простое, животное желание вернуться к камню, сесть спиной к скале и ждать Лидию, не приближаясь ни к чему, что могло оказаться ещё одним невозможным знаком. Она могла бы убедить себя, что устала. Что видит знакомые узоры там, где их нет. Что подпись на песке оставил человек, а не море. Все эти мысли были полезны. Все они предлагали ей немедленно отвести взгляд.

Но остров не стал от этого обычнее. И страх не стал меньше от того, что она дала ему удобное имя.

Ася ещё раз посмотрела на следы. Потом перевела взгляд на тёмные сосны. Между стволами, чуть выше берега, виднелась часть крыши: низкой, потемневшей от времени. Оттуда

донёлся звук, похожий на голоса в комнате. Слов было не разобрать. Может быть, шумел ветер. Может быть, кто-то действительно говорил.

Она не пошла к дому. Пока нет. Осталась у кромки воды, рядом с именем, которое написала волна, и с чужими следами, лежавшими возле её собственных.

Ася не знала, кто оставил их раньше. Не знала, почему остров позвал её именно так. И впервые за долгое время не стала требовать от себя немедленно решить, что всё это означает.

Она просто осталась и посмотрела.

Дом, полный чужих голосов

Ася поднялась от воды, когда собственные следы уже начали теряться в песке. Чужие тянулись к соснам — узкие, местами почти стёртые. Она пошла следом, не ускоряя шага и не убеждая себя, что это хорошая идея.

Между стволами дом оказался больше, чем казался с берега. Низкий, с тёмной крышей и деревянной верандой, он словно вырос в склон. На стенах местами облупилась краска, у водостока свисал пучок сухих листьев. В одном окне отражалось море. В другом стекло было так мутно, что за ним ничего нельзя было разглядеть.

Ася остановилась у калитки.

Из дома донёсся звон чашки.

Звук был ясный, будничный: фарфоровый край коснулся блюдца. Потом кто-то негромко сказал:

— Только не ставь её на край.

Ася посмотрела на окно. За стеклом не мелькнуло ни тени, ни движения. Она выждала, прислушиваясь. Ветер шевелил сосновые ветки, и в этом шелесте можно было при желании расслышать любые слова. Но звон чашки она слышала отчётливо.

В кармане куртки нашёлся смятый билет, оставшийся от поездки на пароме. На обратной стороне ещё сохранилась часть штампа. Ася разгладила бумагу о ладонь, достала из сумки карандаш и нарисовала прямоугольник. Дом. Слева обозначила кухню — по ту сторону окна, откуда, как ей показалось, пришёл звук. В центре поставила точку и подписала: «чашка, голос».

Неловкая карта получилась похожей на план квартиры, составленный человеком, который не уверен, где у него север. Но она была понятной. Ася положила билет обратно в карман и подошла к дому.

Дверь на веранду не запиралась. Она сдвинулась от лёгкого толчка, открывая щель, и сухо скрипнула. Внутри пахло древесной пылью, сыростью и чем-то тёплым, почти неуловимым: будто на кухне недавно заваривали чай, а запах успел остыть вместе с комнатой.

Ася не переступила порог сразу.

Она посмотрела на петли, на щель под дверью, на заросший угол веранды. Здесь могло гулять сквозняком. Дом был старый, и старые дома не обязаны хранить тишину лучше людей. Она могла объяснить себе и звон чашки: ветка по стеклу, дрогнувшая полка, расшатанный крючок. Объяснения возникали быстро, одно за другим. Каждое было достаточно правдоподобным, чтобы отступить.

Ася достала билет снова и провела на нём короткую черту у входа.

«Сначала посмотреть», — сказала она про себя.

Это было не обещанием поверить в услышанное. Скорее способом не позволить страху первым назвать всё происходящее бессмыслицей.

В прихожей стоял деревянный шкаф, выкрашенный в зеленоватый цвет. На крючке висела одна пустая вешалка. Под ней лежали две сосновые иголки и плоский серый камешек. Половицы уходили в коридор, налево открывалась кухня. Ася остановилась, прислушалась и отметила на карте дверь.

Тишина.

Она сделала ещё два шага.

— Я же говорила, не на край, — произнёс тот же голос из кухни. Женский, усталый, без раздражения. — Ты потом опять будешь собирать осколки.

Другой голос, мужской, ответил:

— Он не упадёт.

Пауза.

— Он уже падает.

За этим последовал короткий звяк, будто чашку всё-таки поймали в последний миг. Затем — тихий смешок. Не пугающий, не призрачный. Просто чей-то смешок, затерявшийся между словами.

Ася не вошла сразу. Она провела карандашом по билету и добавила: «женщина, мужчина, край стола». Написав это, она заметила, что пальцы слегка дрожат. Не настолько, чтобы выпустить карандаш, но достаточно, чтобы на бумаге получилась кривая линия.

В кухне нашлась плита с ржавой решёткой, мойка с сухими пятнами и стол, покрытый выцветшей клеёнкой. На столе стояли две чашки. Одна — белая, с тонкой синей полосой. Другая — с отбитой ручкой. Внутри обеих лежал пыльный серый налёт. Полки над плитой пустовали. На подоконнике темнела круглая отметина, оставленная, вероятно, цветочным горшком.

Ася проверила, не касается ли ветка стекла. Ближайшая сосна росла в нескольких метрах от окна. Проверила стол: он покачивался, но чашек на нём не было. Осмотрела полки, дверцы, пространство под мойкой. Ничего, что могло бы звякнуть.

«Ничего видимого», — добавила она в мыслях и сразу поняла, почему это уточнение важно. Видимого — не то же самое, что отсутствующего.

Она не сказала ни слова вслух.

Обратно в прихожую Ася вернулась медленно. За её спиной кухня оставалась пустой, и всё же пустой она уже не казалась. Не потому, что там кто-то прятался. Просто в комнате удержалось ощущение, что люди только что вышли и не успели допить чай.

В коридоре зашуршало.

Ася замерла. Потом услышала детский голос — тонкий и серьёзный, словно ребёнок читал перед классом:

— У медведя в животе поселился червячок. Он просил его не будить, потому что тот был плохой танцор.

Слова прозвучали с неровными паузами. В конце кто-то тихо фыркнул, стараясь не рассмеяться.

— Не так, — шепнул ребёнок. — Там рифма была.

Ася взглянула на коридор. Он был узкий, с дверью в конце и маленьким окном над ней. Стены выцвели до цвета старой бумаги. Возле плинтуса тянулась тёмная полоска, похожая на след от передвинутой мебели.

Она отметила вторую комнату на своей карте: «коридор, стихотворение, ребёнок».

В этот раз ей было проще не искать объяснение сразу. Она даже смогла заметить, как слух сам подбрасывает дополнительные детали. В голосе ребёнка ей чудилась обида. В ответном шёпоте — взрослое терпение. Может, всё это было в записи, которая каким-то образом сохранилась в доме. Может, звуки складывались из скрипа половиц и ветра. Может, она придумывала интонации, чтобы заполнить паузы.

Но ни одно из этих «может быть» не требовало от неё немедленно уйти.

Ася дошла до окна. Оно было закрыто, но рама неплотно прилегала снизу. Она нажала на неё — дерево подалось на толщину ногтя. В щель тянуло воздухом. Хорошее объяснение для шороха, но не для стихотворения. Ася отпустила раму и на обороте билета добавила маленькую стрелку, показывающую, откуда шёл звук.

В конце коридора дверь открывалась в небольшую комнату. Там стояла кровать без матраса и низкий комод с двумя ящиками. На стене сохранились прямоугольные следы, оставленные рамками. В одном углу валялся деревянный кубик, на котором почти стёрлась буква «М».

Ася осмотрела комнату, не трогая кубик. Никаких игрушек, никаких вещей, которые рассказывали бы, кто здесь жил. Только пустое место, где когда-то что-то висело, и кубик, переживший уборку, переезд или чью-то спешку.

Она почти вышла, когда снизу, у лестницы, раздались голоса.

— Ты обещал не уезжать до утра.

Мужской голос. Ровный, но напряжённый.

— Я обещал подумать.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что ты не даёшь мне закончить фразу.

На этом месте скрипнула ступенька.

Ася медленно выглянула в коридор. Лестница поднималась на второй этаж; нижние ступени были затёрты посередине. Она постояла, ожидая продолжения.

— Я не прошу тебя остаться навсегда, — сказал первый голос.

Второй ответил не сразу:

— А я не прошу тебя перестать уезжать.

Их спор оборвался так внезапно, словно кто-то прикрыл дверь между словами. Дом замолчал. Ася слышала собственное дыхание и дождь, которого пока не было. Только ветер — где-то под крышей, в соснах, за окном.

Она записала на билете: «лестница, двое, до утра».

Потом посмотрела на эти слова. «До утра» звучало не как отметка о месте, а как приглашение вспомнить что-то своё. Ася отвела взгляд и направилась к лестнице.

На ступеньке лежала сухая сосновая иголка. Она поднялась, придерживаясь за перила. Дерево было гладким от прикосновений, и под ладонью ощущалась неглубокая царапина. На втором этаже коридор был темнее. Две двери стояли открытыми, третья — закрытой.

Справа оказалась спальня с узкой кроватью и тяжёлым шкафом. Внутри шкафа висела пустая одежная штанга. Слева — комната с письменным столом. На столе лежал засохший лист, под ним проступал круглый след от кружки. Ася наклонилась, и в тот же миг откуда-то снизу донёсся лёгкий стук.

Один. Второй. Третий.

Будто кто-то проверял, есть ли в кружке остатки чая.

Она резко выпрямилась. Сердце ударило в горло, но звук больше не повторился. Ася осмотрела стену, стол, пол. Стук мог быть в трубах. В доме могли остывать балки. Она знала, что любой предмет при перепаде температуры способен щёлкнуть или задрожать. Но в этой комнате не было труб, а стол стоял неподвижно.

В кармане шуршал билет с её маленькой картой. Она достала его и добавила к кругу от кружки крошечный знак вопроса.

Так было честнее, чем написать «неизвестный посетитель» или «призрак». Она не знала, кто это был. Не знала даже, был ли там кто-то. Пока у неё были звук и место, где он прозвучал.

На закрытой двери в конце коридора не было ручки снаружи — только потемневшая металлическая скважина. Ася провела пальцами по косяку. Дверь приоткрылась сама, когда она коснулась её плечом.

За ней оказалась маленькая комната с окном на море. В ней стояло кресло, накрытое белой простынёй. Рядом — узкая тумбочка и пустая стеклянная банка. Ни кровати, ни шкафа. Только кресло, обращённое к окну, словно тот, кто сидел в нём, предпочитал смотреть на воду.

Ася не вошла. Остановилась на пороге и снова прислушалась.

Сначала ничего.

Потом из-за двери, за её спиной, донёсся тихий голос:

— Сначаланими пальто, Ася. Потом расскажешь, что случилось.

Она застыла.

Это была не просто знакомая фраза. Так говорила мама, когда Ася возвращалась домой промокнувшая, злая или слишком старалась объяснить, что всё в порядке. Сначаланими пальто. Потом расскажешь. Фраза звучала просто, почти буднично, и потому память о ней была точнее

любого портрета. Ася словно снова почувствовала на плечах тяжёлую мокрую ткань и увидела мамины руки, которые принимали её у двери.

Она медленно повернулась.

Коридор был пуст.

Ася не позвала маму. Не спросила, кто говорил. Она стояла на пороге маленькой комнаты, и ей казалось, что за знакомой интонацией сейчас последует что-то ещё. Но голос не повторился.

Вместо него в доме тихо щёлкнула где-то под крышей деревянная балка.

Ася отступила от двери. Сердце всё ещё билось быстро. Она попыталась разделить происходящее на части: услышанная фраза; её память о матери; страх, который возник после того, как они совпали. Это не было доказательством, что мама каким-то образом находилась здесь. Но и признать фразу случайной было не так просто, как ей хотелось бы.

Она спустилась на первый этаж и положила билет на кухонный стол. Теперь на нём были прямоугольник дома, двери, несколько стрелок и короткие подписи. Неровная карта чужих мгновений. Не рассказ о тех, кто побывал здесь раньше, а лишь отметки: чашка, стихотворение, спор, стук, фраза у двери.

Ася провела пальцем по бумаге, стараясь не смазать карандаш. Дом мог хранить звуки. Могли повторяться старые разговоры. Могла проснуться её память, которой хватило одного скрипа, чтобы достроить целую комнату. Все эти версии оставались возможными. Ни одна не отменяла того, что она пережила.

Снаружи темнело. Свет в окнах стал густым, отражение моря исчезло. Ася могла уйти сейчас, пока ещё различала тропу между соснами. Она могла выйти на берег и дожидаться утра у воды. Могла решить, что этого достаточно, что первый шаг в дом уже был подвигом, а дальше можно не продолжать.

Она прислушалась.

На втором этаже тихо скрипнула половица. Потом всё стихло.

Ася сложила карту и убрала её в карман. Она не стала звать кого-нибудь, кто мог бы ответить. Не стала проверять, есть ли в доме телефон, и не стала объяснять себе, что происходило у двери. Она только подошла к окну и посмотрела в сторону берега. Между стволами виднелся узкий серебристый просвет воды.

Чтобы спуститься к морю, нужно было выйти за калитку. Чтобы остаться, нужно было найти место, где можно сесть до утра. Страх предлагал ей первое, не спрашивая, чего хочет она сама.

Ася обернулась к тёмному коридору.

— Я останусь, — сказала она негромко.

Не дому. Не голосам. Себе.

На кухне нашлась сухая спичка и свеча в ящике. Свеча не зажглась: фитиль отсырел. Ася не удивилась и не рассердилась. Она выбрала кресло у стены в прихожей, где видны были входная дверь и начало лестницы, и устроилась там, не снимая куртки.

С моря донёсся низкий, протяжный шум. Он то приближался, то отступал, словно вода за пределами дома меняла решение. Ася подумала, что утром сможет выйти к берегу и посмотреть, что сделает прилив. Возможно, тогда станет понятнее, почему следы в песке вели к дому, а не обратно.

Она закрыла ладонями билет, чтобы не потерять его в темноте, и стала слушать. На этот раз тишина не казалась отсутствием событий. В ней были скрип дерева, дыхание ветра, дальний гул воды и паузы, в которых не требовалось ничего додумывать.

Ася осталась.

Правило первого прилива

Утро нашло Асю в кресле, хотя она не помнила, когда закрыла глаза.

Сначала комната посветлела, потом в ней проступили вещи: узкая тумба, вешалка с пустыми крючками, дверь в коридор. За окном серело море. Ася поднялась, размяла затёкшую шею и прислушалась. Дом молчал. Только где-то в стене тихо постукивало дерево, будто на него капала вода.

Она сунула билет в карман куртки и вышла.

На берегу пахло водорослями и мокрым камнем. Вчерашний катер стоял у короткого причала, привязанный к тёмному столбу. Теперь причал был пуст. На воде качалась обрывшаяся петля верёвки. Ни лодки, ни следа на серой поверхности.

Ася спустилась к самому краю. Катер не мог просто исчезнуть. Его могло унести течением, но тогда должны были остаться обломки, вспененная полоса или хотя бы дрейфующий кусок каната. Ничего не было.

Она обернулась к суше. Дорога, по которой вчера можно было пройти от берега к острову, скрылась под водой. Над поверхностью проступали лишь несколько плоских камней. Между ними перекатывались волны, будто море неспешно проверяло, крепко ли они лежат.

— Не ходите дальше, — сказал кто-то за спиной.

Ася резко обернулась.

На верхнем краю берега стоял мужчина в потёртой непромокаемой куртке. Он держал в одной руке жестяную кружку, в другой — связку ключей. Лицо у него было спокойное, обветренное. Не старое, но такое, на котором каждый год оставил свою складку.

— Вы кто?

— Матвей.

— Вы здесь живёте?

— Присматриваю за островом.

— За домом тоже?

Матвей оглянулся в сторону холма, где виднелась крыша старого дома.

— Иногда.

Ася снова посмотрела на пустой причал.

— Где катер?

— Не знаю.

— Вы присматриваете за островом, но не знаете, куда делась лодка?

— Одно не всегда помогает другому.

В его голосе не было насмешки. Это почему-то раздражало сильнее, чем если бы он отшутился.

— А дорога?

— Под водой.

— Это я вижу.

— Значит, вы уже многое знаете.

Ася сжала руки в карманах. Билет шуршал под пальцами. Она приехала сюда из-за него, хотя до вчерашнего вечера старалась не задавать себе вопрос, что именно надеется найти. Старый билет с выцветшим названием острова был единственным доказательством, что её мать бывала здесь. Доказательство слабое, почти бесполезное. И всё же Ася приехала.

— Мне нужно вернуться на материк, — сказала она. — Как?

Матвей не ответил сразу. Он смотрел на воду, на камни, которые один за другим исчезали под низкими волнами.

— Есть правило первого прилива, — произнёс он наконец.

— Звучит не слишком обнадёживающе.

— Оно не для того, чтобы обнадёживать.

Он поставил кружку на камень. На её боку темнел рисунок — птица с вытянутой шеей, похожая на цаплю.

— Пока первый полный прилив после вашего приезда не дошёл до железного кольца на старом столбе, у вас есть прямой путь назад. Нужно вслух назвать причину, по которой вы приехали. Не то, что хотите получить. Причину.

Ася перевела взгляд на берег. В стороне от причала стоял высокий столб, почти чёрный от влаги. На нём, немного выше уровня воды, действительно виднелось железное кольцо.

— И это поможет катеру вернуться?

— На первом отливе он будет у причала. Откроется и дорога через косу.

— А если не сказать?

— Первый отлив пройдёт без них. Потом можно будет уйти на следующем.

— То есть я не заперта?

Матвей посмотрел на неё.

— Остров не удерживает тех, кто просит уйти.

— Но сначала предлагает загадку.

— Это не загадка. Вы можете не отвечать мне. Можете вообще ничего не говорить. Только тогда придётся ждать следующего отлива.

— А если я назову причину, но передумаю?

— Передумаете и останетесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.